

МЕНЯЮЩИЙСЯ ОБЛИК

НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОСЛЕДНИХ
60 ЛЕТ АФРИКАНСКИЕ САФАРИ СИЛЬНО
ИЗМЕНИЛИСЬ

АФРИКАНСКОГО САФАРИ

ТЕКСТ И ФОТО
ГАРРИ ШЕЛБИ

В течение многих лет магическое слово «сафари», вызывающее в памяти рискованные приключения в джунглях Африки, и увековеченное такими талантами, как Теодор Рузвельт, Мартин и Оса Джонсон, Эрнест Хемингуэй, Роберт Руарк, оставалось синонимом охотничьих и фотоэкспедиций с участием представителей самых разных стран мира.

Сафари в ранней Восточной Африке, до начала Первой мировой войны, было известно как «пешее сафари». Экспедиция могла насчитывать до ста и более участников, включая группу охотников-любителей, одного или нескольких профессиональных охотников, местных переносчиков оружия, поваров и работников шкур, но большинство участников составляли носильщики, которые несли палатки, другое оборудование для лагеря и запас продуктов питания для всей экспедиции. Использовать вьючных животных, лошадей или ослов, не представлялось возможным, так как они были обречены на гибель от смертельной болезни, разносчиком которой являлась

муха цеце, а ими буквально кишели охотничьи угодья.

Но именно в этой статье я расскажу о тех сафари, которые проводились с использованием автомобилей. Начало им было положено в 1920-х годах. Группа участников этих сафари обычно состояла из 12-20 человек, которые были вполне самостоятельными, готовыми и способными справиться с любой возникающей ситуацией. Профессиональный охотник и его клиенты передвигались на охотничьем автомобиле, за которым следовал грузовик со всем имуществом, необходимым для разбивки лагеря, куда могли входить палатки, горючее, медицинская аптечка, походная мебель, кухонная утварь, посуда и т. д.; позднее охотники стали брать с собой даже холодильники.

Профессиональный охотник был подлинным «капитаном корабля», и успех всего сафари, благополучие участников и даже их жизнь полностью зависели от принимаемых им решений. Компетентный профессиональный охотник по необходимости должен был быть

знающим и приятным компаньоном, порой дипломатом, врачом и механиком, охота являлась для него второй натурой. Кроме того, от него требовались глубокие знания страны, нравов и обычаев местного населения, лидерские качества, уверенность в своих силах и возможностях, умение справляться с трудностями, особенно в случаях, если его клиентами являлись люди, управлявшие огромными империями бизнеса и более привычные к отдаче приказов и распоряжений, чем к их исполнению.

Когда экспедиция покидала Найроби на срок от одного до двух месяцев, она практически лишалась возможности выйти на связь с офисом в городе даже при возникновении чрезвычайной ситуации. В случае какого-либо инцидента или болезни члена группы могла возникнуть необходимость в вызове одного из маленьких одномоторных самолётов, которые базировались в Найроби. Но это было непросто, поскольку надёжной телефонной связи с удалёнными охотничьими постами не

было, аппараты могли оказаться неисправными или ожидание соединения растягивалось на многие часы. Также часто требовалось подготовить временную взлётно-посадочную полосу, для чего нужно было вырубить и расчистить просеку, которую уплотняли и выравнивали с помощью автомашины, тащившей на буксире срубленные кусты или деревья.

Что касалось срочных входящих сообщений, то имелась договорённость с местной радиостанцией в Найроби о том, что после вечерней девятичасовой передачи новостей выделялось время для важных сообщений в адрес находившихся в поле экспедиций. Если такие сообщения имелись, то в начале новостной передачи сообщалось, что для такой-то группы или отдельного охотника будет передано важное известие. В таком случае потенциальные адресаты последующие двадцать минут проводили в напряжённом ожидании, которое сменялось (если известие было плохим) чувством разочарования и безысходности из-за невозможности ответить на это сообщение.

В конце 1950-х и начале 1960-х годов стало возможным осуществлять двусторонний радиообмен с помощью коротковолновых радиостанций, что позволило покончить с изоляцией находившихся в поле групп охотников. Появление КВ-радиостанций стало одной из двух фундаментальных вех в развитии сафари, другим же достижением стало создание полноприводных автомобилей.

Мобильные сафари

При путешествии на автомобилях стало возможным за три дня экстремальной езды от Найроби достигать намеченных охотничьих угодий, расположенных в Южной Танганьике (нынешняя Танзания), Западной Уганде или Южном Судане. Кроме того, охотников ожидали встречи с колоритным местным населением из племён масаи, самбуру и динка; они могли

любоваться потухшими вулканами, заснеженными горными вершинами, красивыми озёрами, баобабовыми лесами, а также посетить исторические места, такие как лагерь Ливингстона и Стэнли в районе Табора. Если маршрут пересекал Серенгети, то в период ежегодной миграции животных у знаменитого своей дикой природой кратера Нгоронгоро можно было увидеть в движении невероятно огромные стада разных видов антилоп, зебр и газелей, сопровождаемых стаями львов и прочих хищников.

При длительных походах охотничья партия обычно разбивала на ночь бивуак у дороги для того, чтобы ранним утром следующего дня вновь тронуться в путь. Удивительно, но вполне приемлемую пищу повара умудрялись приготовить уже через пару часов после остановки на привал. На завтрак, перед выходом на маршрут, можно было получить бекон, яйца, тосты и кофе.

В конце концов, по достижении района охоты, опытные руки за считанные часы возводили лагерь и делали его пригодным для обитания. Таким образом, можно было свободно и быстро передвигаться от одного района охоты к другому. Это было возможно ещё и потому, что тогда не существовало никаких концессий, не требовалось бронирования участков, а о квотах на отстрел животных никто и понятия не имел. Охота считалась законной в любых местах, за исключением заповедников, национальных парков и частных земель. Если охота в каком-либо районе не удавалась, можно было легко сняться с этого места и перебраться в другое.

Лицензии, выдаваемые на каждую охотничью партию, были очень щедрыми, так как оставались в силе требования, сформулированные во времена «пеших сафари», когда предусматривалась необходимость обеспечения мясом групп до ста человек в течение нескольких месяцев. Например, охотникам могло быть позволено добыть двенадцать

буйволов, двадцать зебр, двадцать антилоп гну, двадцать антилоп конгоны, четырёх львов, леопардов без ограничения и столь же большое количество животных других видов. Специальная лицензия требовалась только на отстрел слонов и носорогов, а также на продажу бивней слона и рогов носорога.

Нерасторопные и угодливые колониальные власти, контролировавшиеся из Лондона, не торопились инициировать пересмотр системы лицензирования, и это произошло лишь через несколько

лет после окончания Второй мировой войны. Часто со стороны профессионального охотника для того требовался недюжинный такт и твёрдая воля, чтобы предотвращать злоупотребления некоторыми любителями пострелять без разбора.

В те дни фактор времени был не так важен, как сегодня. Сафари часто продолжались в течение двух и даже трёх месяцев. По моим оценкам, треть времени всего сафари могло быть потрачено на переезды из одних охотничьих угодий в другие, и много

Гарри Селби с Робертом Руарком в охотничьем автомобиле на давнем сафари в районе озера Георга.

Обычное происшествие на ранних сафари: автомобиль угодил в канаву, район Магади.

После позднего прибытия в район охоты и ночного бивуака работники готовят более комфортный лагерь.

Грузовой автомобиль с грузом и работниками сафари на борту.

часов уходило на вызволение перегруженных автомашин из плена вязкой грязи или тяжёлого песка. Напомним, что в распоряжении охотников тогда ещё не было полноприводных автомобилей, поэтому охота происходила в основном в пешем порядке, что было тяжёлой работой, требовавшей много времени. В целом

считалось, что для добычи одного слона нужно пройти порядка ста миль, а потом ещё предстояло нести бивни весом в 45 и более килограммов. Я вспоминаю, что мне потребовалась целая неделя хождения вверх и вниз по крутым и скалистым холмам в районе Кондоа Иранги (Танганьика), прежде чем трофеи были упакованы для перевозки.

Вид, который открылся испуганному взору Селби, когда он пришёл на берег: перевернутый грузовик у реки.

Вытаскивание грузовика на берег после того, как он был поставлен на колёса. Ну и работёнка!

В те дни больше внимания уделялось другим увлечениям, к примеру, фотографированию животных или охоте на птиц, а не просто сбору трофеев. Понятно, что клиенты и тогда рассчитывали на получение хороших трофеев. На охоте они переживали острые ощущения, и достойный трофей являлся для них памятной наградой за удачную охоту. Сегодня же, как только трофей упакован в мешок, у охотника возникает животрепещущий вопрос типа: «Будет ли он претендовать на внесение в книгу рекордов?», а память о том, как этот трофей был добыт, к сожалению, бывает крайне короткой.

По мере возрастания нагрузки на наиболее доступные охотничьи угодья некоторые изобретательные и находчивые профессиональные охотники «пробивали» новые маршруты или строили временные мосты для прохода на ещё нетронутые территории, избегая встреч с другими охотничьими экспедициями, которых становилось всё больше и больше. Известны случаи, когда целый день был потрачен на то, чтобы толкать руками автомашины с одной парой ведущих колёс по песку вдоль русла рек. Для возведения временного моста могло потребоваться несколько дней.

Если ранее использовавшаяся переправа оказывалась слишком глубокой для проезда охотничьего автомобиля, а вам нужно было охотиться на противоположном берегу, то прежде всего нужно было полностью освободить машину от груза, в том числе и от инструментов и запасных частей, отключить аккумуляторную батарею, слить горючее и масло. Затем с помощью прочного каната, всегда имевшегося в запасе, ваша команда, возможно, с привлечением местных жителей, перетаскивала машину через реку. В ряде случаев автомобиль на какое-то время мог полностью уйти под воду.

Потом автомобиль целую ночь просыхал с удаленными сливными крышками, после чего его вновь

заправляли горючим и маслом, подключали аккумулятор и охота продолжалась. В случае необходимости охотники могли переправляться через реку по утрам и вечерам, курсируя между лагерем и охотничьими угодьями на лодках или подручных средствах. Когда сафари заканчивалось и нужно было покинуть район охоты, автомашину перетаскивали на другой берег таким же способом.

Чудотворцы

Профессиональному охотнику приходилось иногда творить практически чудеса с технической и медицинской точек зрения, о чём свидетельствуют некоторые происшествия, случившиеся во время моих сафари. Я вспоминаю одну холодную и ветреную ночь в Серенгети. Время – час ночи, и мы заняты пайкой протекающего радиатора нашего грузовика, везущего оборудование для лагеря. Я разогрел паяльник на костре из разожженного антилопьего навоза, поскольку поблизости не было деревьев или кустов. Наш ужин мы приготовили таким же образом.

Однажды вечером в Икома, после трехдневного путешествия из Найроби, одного из наших спутников укусила змея, когда он растянул свою скатку. Он впал в истерику, и мне пришлось тащить его в палатку-столовую, в которой была единственная на весь лагерь ярко горящая электрическая лампочка. Изучив ранку от укуса, я обнаружил два прокола – это означало, что его укусила ядовитая змея. Несмотря на протесты пострадавшего, я ввел ему противоядие, при этом четыре других клиента наблюдали за происходившим представлением с широко раскрытыми глазами. На следующее утро он чувствовал себя неважно, но самое страшное было позади. Возможно, противоядие сделало своё дело, или он получил так называемый «сухой укус», что тоже иногда случается.

Во время одного из сафари мы разбили лагерь к югу от Нгоронгоро,

вблизи озера Эяси в Танганьике. Наш лагерь находился в паре сотен ярдов от канавы с крутыми склонами, по дну которой протекал небольшой ручей. Когда около полудня мы после утренней охоты возвращались в лагерь, мой проводник Джума сообщил мне, что с нашим грузовиком что-то произошло на реке.

Выяснилось, что двое рабочих поехали на грузовике набрать речной воды в размещённые в кузове баки. Водитель ушёл обратно в лагерь. Когда баки были наполнены, люди позвали водителя увезти воду. Водителем был слегка заторможенный молодой парень, работавший также помощником повара. Он забрался в кабину и нечаянно нажал на кнопку стартера.

Грузовик был поставлен на заднюю передачу, поэтому когда двигатель завёлся, машина быстро скатилась с берега в воду, и, увязнув в грязи всеми своими четырьмя колёсами, перевернулась. Именно это я и увидел своими глазами, когда оказался на месте происшествия. На многие мили вокруг нас простиралась безлюдная глушь, а в те дни в лагерях ещё не было радиостанций.

Мы должны были заботиться о себе, поэтому в течение нескольких следующих дней, пока мы охотились, рабочие лагеря были заняты тем, что выравнивали склон берега так, чтобы можно было вытаскивать грузовик. Когда наконец это было сделано, мы привязали грузовик тросом к моему охотничьему автомобилю и с помощью наших рабочих и группы местных жителей, которых мы снабдили мясом, сначала поставили грузовик на колёса, а потом и вытащили его на берег.

Я никогда не забуду одно неудачное сафари. Вскоре после того, как мы пересекли границу Кении и оказались в Танганьике, заметив, что наш грузовик отстал, я остановился, чтобы подождать его. Потом, почуввав неладное, решил вернуться назад. Через несколько километров я увидел его лежащим на боку. Выяснилось, что машину занесло, при

этом из-за смещения людей, сидевших в кузове на тюках с грузом, она потеряла равновесие.

Когда я подъехал, Джума вышел вперёд, и в ответ на мой вопрос: «Кто-нибудь погиб?», сказал: «Только один». Ещё двое были тяжело ранены. После того как мы вновь поставили грузовик на колёса, я приказал Джуме ставить палатку для клиентов рядом с дорогой, а сам с двумя ранеными и телом погибшего поехал обратно в Кению на своём автомобиле. Раненых я оставил в довольно хорошо оборудованной больнице в Нароке, Масайлэнд, поскольку поездка для них была очень болезненной. Позвонив в Найроби и рассказав о случившемся, я попросил подготовить для меня замену. Затем я поехал в Найроби, везя тело несчастного работника.

Когда я вернулся обратно, мы спешно снялись с места и направились через Серенгети в Банаги, где встали лагерем. Всё это время в течение шестидесяти часов я не спал.

Время перемен

В 1950-е годы охотничьи угодья в Кении оказались под всё более возрастающим прессом, так как всё больше клиентов желали поохотиться в Африке и всё больше «случайных» охотников, обладавших лишь незначительным опытом, объявляли себя профессионалами. Департамент охоты пытался уменьшить давление на популяцию животных, особо выделяя «Большую пятерку», разрешая добывать в течение недели сафари только одного представителя этой группы (в «Большую пятерку» входят слон, носорог, буйвол, лев и леопард. – Прим. перев.). Если человек хотел получить лицензию на отстрел всех пяти этих животных, то его охота должна была быть рассчитана не менее чем на пять недель. Эта мера в определённой степени помогала умерить аппетиты охотников, так как с появлением полноприводных машин

охота стала более простой из-за увеличившейся доступности удалённых районов, и некоторые клиенты стремились собрать полный комплект трофеев в кратчайшие сроки.

В конце 1950-х годов в Кении была введена так называемая «блоковая система», по которой вся территория страны была разделена на пронумерованные блоки. Теперь охотники должны были резервировать выбранный блок иногда за несколько месяцев до начала сафари, не имея ни малейшего представления о том, с какой ситуацией они столкнутся при выходе в поле. Если охотничья ситуация оказывалась действительно разочаровывающей, то охотникам не оставалось ничего другого, кроме как ожидать вступления в силу разрешения на охоту в другом блоке.

Давали о себе знать и другие факторы. Восточная Африка находилась в состоянии политического брожения. Кения переживала последствия многолетнего восстания Мау-Мау, получение независимости от Великобритании было целью всех трёх восточноафриканских территорий – Кении, Танганьики и Уганды. Их представители вели активные переговоры с британским правительством. Никто не

имел понятия о том, как будет выглядеть Восточная Африка после обретения независимости, особенно после катастрофы в Конго. (Имеется в виду хаос, в который погрузилось бельгийское Конго после провозглашения независимости летом 1960 года. – Прим. перев.).

В начале 1960-х годов я переехал с семьёй в Бечуаналенд (ныне Ботсвана) и открыл там филиал фирмы Ker, Downey & Selby Safaris. Наша компания получила в концессию два очень больших участка земли, на которых мы могли организовать охоту. Один из участков прилегал к дельте реки Окаванго, а другой находился в северной части пустыни Калахари.

Расстояния между лагерями на этих территориях были не очень велики, и вскоре я понял, что наиболее эффективным подходом к работе будет создание полностью оборудованных стационарных лагерей в стратегически важных точках. Клиенты на автомашинах в сопровождении профессиональных охотников будут передвигаться от одного лагеря к другому. Таким образом, можно будет снизить накладные расходы за счёт практически двукратного сокращения штата работников, необходимых для

разбивки и свёртывания лагерей в ходе мобильного сафари.

Один грузовик будет периодически развозить припасы по лагерям, исключая, тем самым, длительные простои автотранспорта, который мог подолгу находиться без работы в каждом из лагерей. Этот механизм оказался очень удачным, и мы эффективно использовали его в течение определённого периода времени в Мозамбике и Анголе, до того, как там возникли повстанческие движения.

В силу ряда факторов традиционные мобильные сафари в восточноафриканских странах, в которых ранее они проходили, стали постепенно сходить на нет. Пограничный контроль, личный досмотр, проверка транспортных средств, оборудования и огнестрельного оружия, а также перевод денег между новыми независимыми государствами – всё это создавало большие проблемы. Например, в Кении охота продолжала процветать в течение ряда лет и после обретения страной независимости в 1963 г., зачастую забираясь далеко на север, до Судана, до тех пор, пока в 1977 г. правительство Кении неожиданно не запретило все виды охоты в стране. Охотничьи экспедиции, находившиеся на тот момент в поле, были отозваны в Найроби, и с тех пор охота остаётся под запретом, что фактически означает конец «классического восточноафриканского сафари».

После обретения независимости в 1961 г. в Танзании, ранее Танганьике, были созданы государственные и подконтрольные государству охотничьи компании, а частные компании по организации сафари были упразднены. Это решение оказалось неправильным.

В течение ряда лет Ботсвана оставалась одной из очень немногих стран в Африке, где никто не боролся за независимость. Родезия, Ангола, Мозамбик и Юго-Западная Африка были охвачены огнём партизанских войн. В конце концов, по мере того, как политическая

ситуация и положение с безопасностью в этих странах улучшались, и со вступлением Южной Африки в число стран, предлагающих охотничьи сафари, охота с базированием в стационарных лагерях стала единственным способом ведения промысла.

Когда, после катастрофической попытки установить государственный контроль над организацией сафари, в Танзании вновь была разрешена деятельность частных компаний, подобная система стационарных лагерей стала использоваться и там. Различие состояло лишь в том, что автотранспортные средства оставались в каждом лагере, а клиенты вместе с профессиональными охотниками перевозились из одних охотничьих угодий в другие воздушным путём.

Для создания стационарного лагеря нужно было иметь исключительное право аренды на охотничьи угодья, поэтому концессии или некоторые формы аренды определённых блоков стали нормой для большинства стран, в которых земля находилась в государственной собственности. В некоторых странах большие частные ранчо превратились в «охотничьи фермы», на которых велось разведение диких животных, а не домашнего скота. Для размещения приезжающих охотников на этих ранчо были созданы лагеря. Первоначально они состояли из стандартных палаток для сафари, к задней стенке которых примыкал блок со смывным туалетом и душевой кабиной. Полукапитальными сооружениями были столовая и кухня, оснащённые необходимой мебелью и газовой плитой.

Со временем лагеря в ряде стран становились всё более капитальными, они возводились на деревянных настилах, обеспечивались разнообразной мебелью, в них появлялись источники электропитания, холодильное оборудование и аппараты для производства льда. Наличие УКВ-связи с базой стало

стандартом для всех лагерей, во многих из них имелась спутниковая телефонная связь. В настоящее время некоторые клиенты пользуются собственными спутниковыми телефонами. В большинстве своём лагеря находятся на доступном расстоянии от местных аэродромов, и в случае чрезвычайной ситуации имеется возможность вызвать спасательный вертолёт.

Передвижения клиентов на небольшие расстояния обычно осуществляются автотранспортом, в других случаях используются лёгкие самолёты. Таким образом значительно сокращается время на передвижения и, соответственно, больше времени остаётся для охоты. Расходы на сафари также сократились, и теперь охотники, у которых ранее не хватало денег и времени на африканскую охоту, могут себе её позволить. Теперь большинство сафари длится от десяти до двенадцати дней.

В наше время воздушные пелёты стали доступными и быстрыми. Поэтому, покинув дом, клиенты уже через пару-тройку дней могут очутиться в охотничьем лагере. Многие из них уже знакомы с сафари по книгам и другим источникам, включая различные собрания и конференции. Поэтому они прибывают в лагерь уже со списком своих пожеланий или планом охоты, то есть полностью подготовленными к выходу в поле.

Из-за ограничения времени охота становится более интенсивной, и любые неудачи, такие, как невозможность использовать транспортные средства, если они увязли в грязи или сломались, будут рассматриваться клиентами как впустую потраченное время. В некоторых случаях они могут даже настаивать на возмещении убытков.

Из-за стремления клиента достичь желаемого результата профессиональный охотник будет находиться под значительным давлением, его репутация человека, способного обеспечить

успешную охоту и добычу хороших трофеев, будет подвергаться постоянным испытаниям.

Клиенты, если только их лагерь не будет разбит в местах проживания местных племён, мало что узнают об Африке и её людях. Их опыт будет ограничен лишь наблюдением за немногими празднующими в районе аэропорта, куда они прибудут для дальнейшего отъезда или вылета в лагерь.

Я понимаю, что сохранение животного мира Африки может быть обеспечено только при щедрых расходах на него. А этого можно достичь только за счёт увеличения потока охотников, фотографов и просто туристов, которых привлекает прекрасная дикая природа Африки. Местное население должно осознать, что таким образом в их страны поступают деньги, и что живые дикие животные намного ценнее тех, которые исчезают в их желудках. В достижении этой цели важную роль призваны сыграть стационарные охотничьи лагеря и воздушный транспорт, которые сделают поездки на африканскую охоту доступными с точки зрения их цены и экономии времени.

Те изменения, которые претерпевают сафари, являются неизбежными, и они будут происходить и далее, для того чтобы сафари продолжали существовать. Африка и сама изменилась до неузнаваемости, и автономные сафари прошлых времён в современной Африке стали совершенно невозможными. И сегодня ещё есть охотники, которые хотели бы испытать чувство свободы времён старых сафари, как есть и те, которые, имея опыт сафари прошлых лет, не станут возражать против того, что предлагается охотникам сегодня. Эти два опыта столь же отличаются один от другого, как день отличается от ночи. Но общим для них является название – это магическое слово «сафари».

Загрузка транспорта.